

Несмотря на то, что Ся Чжэндэ поспешил уладить все дела, связанные с похоронами, он практически не общался с Ся Чуньяном в процессе. Ся Чжэндэ считал, что Ся Чуньян в курсе всех обстоятельств, но сам Ся Чуньян, под влиянием слухов окружающих, начал думать, что Ся Чжэндэ — его настоящий отец... А затем, по пути обратно в Гонконг, они попали в аварию, и только Ся Чуньяну удалось выжить. Когда он увидел Ся Бичуня, который приехал уладить дела Ся Чжэндэ в больнице, он по глупости назвал его «старшим братом», и так, по злой иронии судьбы, сам себя загнал в положение «внебрачного сына» старшего брата!

Внебрачные дети и так не пользуются особым уважением. А тут ещё и то, что Ся Чжэндэ погиб в аварии, возвращаясь за своим «внебрачным сыном». Эти два фактора вместе привели к тому, что семья Ся не стала напрямую расправляться с ним только потому, что не хотела пачкать руки. Но ситуация разгорелась слишком сильно, его личность была раскрыта, и множество людей, желающих выслужиться перед семьей Ся, выстроились в очередь, чтобы преподать ему урок.

Когда он перестал быть глупым и, благодаря анализу Старого Призрака, понял, где кроется недоразумение, уже никто не хотел слушать его объяснения. Ему оставалось только смириться и жить в бедности, неся на себе клеймо «внебрачного сына».

Но для Ся Чуньяна в прошлой жизни самым большим предательством было не то, что он сделал с собой, а то, что он сделал с матерью, Фан Лань. Из-за его глупых слов покойная не обрела покоя и после смерти была запятнана клеймом «третьей стороны».

В этой жизни, получив второй шанс, первое, что хотел сделать Ся Чуньян, — это восстановить честное имя своей матери как законной жены!

...Информации было слишком много, и ему нужно было время, чтобы всё осмыслить.

Изначально заготовленные слова Ся Бичуня так и не были произнесены. Не то чтобы он был легковверным и поверил словам Ся Чуньяна на слово, просто он не мог поверить, что кто-то может сказать настолько очевидно лживые и абсурдные вещи. Кому нужны слова, в которые никто не поверит? Разве что если эта невероятная ложь окажется самой нелепой правдой.

Ся Бичунь был умным человеком, а умные люди всегда думают больше других. Если сначала он хотел просто поддаться гневу и жестоко расправиться с Ся Чуньяном, то после его слов разум начал брать верх. В голове начали роиться всевозможные заговоры и интриги.

В итоге эмоции утихли, и теперь, глядя на лицо Ся Чуньяна, которое было больше похоже на Ся Чжэндэ, чем его собственное, он всё ещё чувствовал дискомфорт, но уже не испытывал той тошноты, которая возникала при одном взгляде на него. Теперь он мог по-настоящему внимательно рассмотреть лицо Ся Чуньяна и, благодаря его словам, заметил ещё одну деталь: лицо Ся Чуньяна было похоже на лицо его отца только на семь-восемь частей, но гораздо больше напоминало фотографию его деда в молодости, висевшую в семейном доме. Если бы Ся Чуньян снял больничную одежду и надел такой же костюм, он был бы точной копией деда в юности!

С этой мыслью веки Ся Бичуня дёрнулись. Не знаю, было ли это результатом предвзятости или чрезмерного воображения, но чем больше он смотрел на Ся Чуньяна, тем больше находил сходства... Внезапно Ся Бичунь почувствовал, что ему здесь совершенно неловко. Он пришёл сюда, полный решимости, а теперь его настроение можно было описать только как «неловкость».

А ещё эти врачи и медсёстры, которые совершенно не умеют читать обстановку!! Неужели они

не могут сами догадаться, что нужно уйти!? Эта медсестра, не думай, что я не заметил, ты уже почти использовала всю упаковку ватных палочек! Для одного укола нужно столько ватных палочек?! Ся Бичунь чувствовал себя так неловко, как никогда в жизни.

Ся Чуньян чутко уловил изменение настроения Ся Бичуня, но не собирался останавливаться:

— Племянник... есть проблемы? Как дела у старшего брата?

Ся Бичунь почувствовал, как у него на лбу дёрнулась вена. Слова «племянник» вызывали у него отвращение, но пока ситуация не прояснилась, он не мог ничего сказать.

В этот момент его младший брат Ся Бидун ворвался в комнату:

— Старший брат! Папа пришёл в себя!

Ся Бичунь спросил:

— Правда?! Быстрее! Пойдём...

Ся Чуньян не мог позволить им просто уйти и громко крикнул:

— Племянник! Я тоже хочу пойти проведать старшего брата!!

Ся Бичунь споткнулся, не оборачиваясь, кивнул и поспешно сказал:

— Если можешь двигаться, пусть сопровождающий приведёт тебя.

Одновременно он крепко схватил Ся Бидуна, чтобы тот не задавал вопросов, и быстро увёл его.

Глядя на спину Ся Бичуня, который уходил, словно спасаясь бегством, Ся Чуньян усмехнулся:

— Быстрее! Принесите коляску! Я хочу увидеть моего старшего брата!

Ся Чуньян не мог пропустить момент, когда Ся Чжэндэ придёт в себя. Вдруг это всего лишь предсмертное прояснение? Он не думал, что его несколько слов смогут убедить Ся Бичуня и всю семью Ся в его истинной личности. Самым эффективным было бы заставить Ся Чжэндэ подтвердить его статус в первый же момент!

Когда Ся Чуньян на коляске был подвезён к палате Ся Чжэндэ, все члены семьи Ся ждали снаружи, доктор уже вошёл в палату для осмотра. Из всех этих людей... кроме Ся Бичуня, он никого не знал!

Это было смешно. В прошлой жизни, кроме Ся Чжэндэ, он видел только Ся Бичуня, остальные члены семьи Ся полностью игнорировали его существование. А Ся Бичунь, кроме той встречи в больнице, больше с ним не пересекался. До самой смерти они жили в двух разных мирах.

Просто глядя на них, можно было почувствовать, насколько они здесь чужие. Не только по отношению к Ся Чуньяну, но и ко всему окружающему. Даже в состоянии тревоги, одежда и манеры семьи Ся заставляли их выглядеть как аристократов, забредших в трущобы. Даже если они не вели себя высокомерно, они внушали страх и держали всех на расстоянии.

Это чувство Ся Чуньян понимал лучше всех. Возможно, из-за закрытости страны, информация была ограниченной и отсталой. За исключением небольшого круга осведомлённых людей, никто не знал о могуществе семьи Ся. Но Ся Чуньян, прошедший через поток информации в

будущем, знал, насколько огромной была эта семья. И через два года, во время возвращения Гонконга, семья Ся сыграла ключевую роль. Можно сказать, что воля семьи Ся представляла весь бизнес-мир Гонконга, а в будущем семья Ся даже считалась ориентиром для глобальных инвестиций. Именно поэтому, когда Ся Чжэндэ погиб в аварии на материке, его статус внебрачного сына был раскрыт так быстро и широко. Широко не в смысле, что об этом знали все, а в том, что в определённых кругах он стал известен.

Ся Чуньян погрузился в свои мысли, и со стороны это выглядело как задумчивость. Ся Бичунь тайно вздохнул с облегчением, видя, что он не начал кричать что-то вроде «племянник». Времени было слишком мало, и он не успел рассказать об этом остальным. Без доказательств это только добавило бы проблем. Поэтому, видя, что Ся Чуньян задумался, он не только не стал его прогонять, но и остановил своих братьев и сестёр.

Встретившись взглядом с матерью Пань Хуэйи, Ся Бичунь просто тихо покачал головой и сказал шёпотом:

— Мама, тут что-то не так. Подождём, пока папа придёт в себя.

Пань Хуэйи хорошо понимала своего сына, и если Ся Бичунь так сказал, значит, были причины, которые нельзя было обсуждать при всех. Поэтому, несмотря на отвращение к Ся Чуньяну, она сдержала свои эмоции и удержала своего вспыльчивого младшего сына рядом.

Ситуация была внезапной, и информация не была должным образом скрыта. Пань Хуэйи хорошо знала, что за пределами больницы ждут множество репортёров, готовых писать о них новости. Если сейчас ещё и разразится скандал с внебрачным сыном в больнице, семья Ся действительно станет посмешищем для всего Гонконга.

Пока каждый из них был занят своими мыслями, доктор наконец вышел:

— Состояние пациента стабильное, угрозы жизни нет. Родственники могут войти. Но не задерживайтесь надолго, пациенту нужно больше отдыхать...

Как только доктор закончил, Ся Чуньян на коляске первым рванул в палату. Этот поступок сильно разозлил Ся Бидуна.

— Этот ублюдок...

— Бидун! — резко остановил его Ся Бичунь.

Если слова Ся Чуньяна окажутся правдой, то назвать его «ублюдком» будет равносильно тому, чтобы оскорбить самого себя.

— Старший брат!

— Старший брат!

— Старший брат!

Три голоса, мужской и два женских, почти одновременно зазвучали в один голос.

Ся Бичунь невольно дёрнул уголком рта.

Ся Бидун, чувствуя, как у него закипает кровь, не сдержался и закричал:

— Этот ублюдок посмел назвать тебя «старшим братом»?! Он совсем с ума сошёл!

<http://bllate.org/book/16572/1513210>